

О. ГЕНРИ

СУПРУЖЕСТВО КАК ТОЧНАЯ НАУКА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44
О-36

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского

Серийное оформление *Е. Фerez, А. Фerezа*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

О. Генри.

О-36 Супружество как точная наука : [сборник ; перевод с английского] / О. Генри. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-137795-3

Около ста двадцати лет человечество читает рассказы О. Генри — смешные и лирические, оригинальные и такие яркие. Они не устаревают, ведь обычные люди — герои этих историй — во все времена остаются прежними. Кто не слышал этих названий: «Последний лист» и «Русские соболя», «Квадратура круга» и, конечно, «Дороги, которые мы выбираем»! Рассказы О. Генри не раз были экранизированы, их знают и любят во всем мире.

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-137795-3

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Русские соболя

Когда синие, как ночь, глаза Молли Мак-Кивер положили Малыша Брэди на обе лопатки, он вынужден был покинуть ряды банды «Дымовая труба». Такова власть нежных укоров подружки и ее упрямого пристрастия к порядочности. Если эти строки прочтет мужчина, пожелаем ему испытать на себе столь же благотворное влияние завтра, не позднее двух часов пополудни, а если они попадутся на глаза женщине, пусть ее любимый шпиц, явившись к ней с утренним приветом, даст пощупать свой холодный нос — залог собачьего здоровья и душевного равновесия хозяйки.

Банда «Дымовая труба» заимствовала свое название от небольшого квартала, который представляет собой вытянутое в длину, как труба, естественное продолжение небезызвестного городского района, именуемого Адовой кухней. Пролегая вдоль реки, параллельно Одиннадцатой и Двенадцатой авеню, Дымовая труба огибает своим прокопченным коленом маленький, унылый, неприятный Клинтон-парк. Вспомнив, что дымовая труба — предмет, без которого не обходится ни одна кухня, мы без труда уясним себе обстановку. Мастеров заваривать кашу

в Адовой кухне сыщется немало, но высоким званием шеф-повара облечены только члены банды «Дымовая труба».

Представители этого никем не утвержденного, но пользующегося широкой известностью братства, разодетые в пух и прах, цветут, словно оранжерейные цветы, на углах улиц, посвящая, по-видимому, все свое время уходу за ногтями с помощью пилочек и перочинных ножи́ков. Это безобидное занятие, являясь неоспоримой гарантией их благонадежности, позволяет им также, пользуясь скромным лексиконном в две сотни слов, вести между собой непринужденную беседу, которая покажется случайному прохожему столь же незначительной и невинной, как те разговоры, какие можно услышать в любом respectable клубе несколькими кварталами ближе к востоку.

Однако деятели «Дымовой трубы» не просто украшают собой уличные перекрестки, предаваясь холе ногтей и культивированию небрежных поз. У них есть и другое, более серьезное занятие — освобождать обывателей от кошельков и прочих ценностей. Достигается это, как правило, путем различных оригинальных и малоизученных приемов, без шума и кровопролития. Но в тех случаях, когда ослесливленный их вниманием обыватель не выражает готовности облегчить себе карманы, ему предоставляется возможность излить свои жалобы в ближайшем полицейском участке или в приемном покое больницы.

Полицию банда «Дымовая труба» заставляет относиться к себе с уважением и быть всегда начеку. Подобно тому как булькающие трели соловья доносятся к нам из непроглядного мрака ветвей, так пронзительный полицейский свисток, призывающий фараонов на подмогу, прорезает глухой ночью тишину

темных и узких закоулков Дымовой трубы. И люди в синих мундирах знают: если из Трубы потянуло дымком — значит, развели огонь в Адовой кухне.

Малыш Брэди обещал Молли стать паинькой. Малыш был самым сильным, самым изобретательным, самым франтоватым и самым удачливым из всех членов банды «Дымовая труба». Понятно, что ребятам жаль было его терять.

Но, следя за его погружением в пучину добродетели, и они не выражали протеста. Ибо, когда парень следует советам своей подружки, в Адовой кухне про него не скажут, что он поступает недостойно или не по-мужски.

Можешь подставить ей фонарь под глазом, чтоб крепче любила, — это твое личное дело, но выполни то, о чем она просит.

— Закрой свой водоразборный кран, — сказал Малыш как-то вечером, когда Молли, заливаясь слезами, молила его покинуть стезю порока. — Я решил выйти из банды. Кроме тебя, Молли, мне ничего не нужно. Заживем с тобой тихо-скромно. Я устроюсь на работу, и через год мы с тобой поженимся. Я сделаю это для тебя. Снимем квартиру, заведем канарейку, купим швейную машинку и фикус в кадке и попробуем жить честно.

— Ах, Малыш! — воскликнула Молли, смахивая платочком пудру с его плеча. — За эти твои слова я готова отдать весь Нью-Йорк со всем, что в нем есть! Да много ли нам нужно, чтобы быть счастливыми.

Малыш не без грусти поглядел на свои безукоризненные манжеты и ослепительные лакированные туфли.

— Труднее всего придется по части барахла, — заявил он. — Я ведь всегда питал слабость к хорошим

вещам. Ты знаешь, Молли, как я ненавижу дешевку. Этот костюм обошелся мне в шестьдесят пять долларов. Насчет одежды я разборчив — все должно быть первого сорта, иначе это не для меня. Если я начну работать — тогда прощай маленький человечек с большими ножницами!

— Пустяки, дорогой! Ты будешь мне мил в синем свитере ничуть не меньше, чем в красном автомобиле.

На заре своей юности Малыш, пока еще не вошел в силу настолько, чтобы одолеть своего папашу, обучался паяльному делу. К этой полезной и почетной профессии он теперь и вернулся. Но ему пришлось стать помощником хозяина мастерской, а ведь это только хозяева мастерских — отнюдь не их помощники — носят брильянты величиной с горошину и позволяют себе смотреть свысока на мраморную колоннаду, украшающую особняк сенатора Кларка.

Восемь месяцев пролетели быстро, как между двумя актами пьесы. Малыш в поте лица зарабатывал свой хлеб, не обнаруживая никаких опасных склонностей к рецидиву, а банда «Дымовая труба» по-прежнему бесчинствовала «на большой дороге», раскраивала черепа полицейским, задерживала запоздалых прохожих, изобретала новые способы мирного опустошения карманов, копировала покрой платья и тона галстуков Пятой авеню и жила по собственным законам, открыто попирая закон. Ни Малыш крепко держался своего слова и своей Молли, хотя блеск и сошел с его давно не полированных ногтей и он теперь минут пятнадцать простаивал перед зеркалом пытаясь повязать свой темно-красный шелковый галстук так, чтобы не видно было мест, где он протерся.

Однажды вечером он явился к Молли с каким-то таинственным свертком под мышкой.

— Ну-ка, Молли, разверни! — небрежно бросил он, широким жестом протягивая ей сверток. — Это тебе.

Нетерпеливые пальчики разодрали бумажную обертку. Молли громко вскрикнула, и в комнату ворвался целый выводок маленьких Мак-Киверов, а следом за ними — и мамаша Мак-Кивер; как истая дочь Евы, она не позволила себе ни единой лишней секунды задержаться у лоханки с грязной посудой.

Снова вскрикнула Молли, и что-то темное, длинное и волнистое мелькнуло в воздухе и обвило ее плечи, словно боа-констриктор.

— Русские соболя! — горделиво изрек Малыш, любуясь круглой девичьей щекой, прильнувшей к податливому меху. — Первосортная вещица. Впрочем, перевероши хоть всю Россию — не найдешь ничего, что было бы слишком хорошо для моей Молли.

Молли сунула руки в муфту и бросилась к зеркалу, опрокинув по дороге двух-трех сосунков из рода Мак-Киверов. Вниманию редакторов отдела рекламы! Секрет красоты (сияющие глаза, разрумнявшиеся щеки, пленительная улыбка): Один Гарнитур из Русских Соболей. Обращайтесь за справками.

Оставшись с Малышом наедине, Молли почувствовала, как в бурный поток ее радости проникла льдинка холодного рассудка.

— Ты настоящее золото, Малыш, — сказала она благодарно. — Никогда в жизни я еще не носила мехов. Но ведь русские соболя, кажется, безумно дорогая штука? Помнится, мне кто-то говорил.

— А разве ты замечала, Молли, чтобы я подсовывал тебе какую-нибудь дрянь с дешевой распродажи? — спокойно и с достоинством спросил Ма-

лыш. — Может, ты видела, что я торчу у прилавков с остатками или глазею на витрины «любой предмет за десять центов»? Допусти, что это боа стоит двести пятьдесят долларов и муфта — сто семьдесят пять. Тогда ты будешь иметь некоторое представление о стоимости русских соболей. Хорошие вещи — моя слабость. Черт побери, этот мех тебе к лицу, Молли.

Молли, сияя от восторга, прижала муфту к груди. Но мало-помалу улыбка сбежала с ее лица, и она пытливым и грустным взором посмотрела Малышу в глаза.

Малыш уже давно научился понимать каждый ее взгляд; он рассмеялся, и щеки его порозовели.

— Выкинь это из головы, — пробормотал он с грубоватой лаской. — Я ведь сказал тебе, что с прежним покончено. Я купил этот мех и заплатил за него из своего кармана.

— Из своего заработка, Малыш? Из семидесяти пяти долларов в месяц?

— Ну да. Я откладывал.

— Откладывал? Постой, как же это... Четыреста двадцать пять долларов за восемь месяцев...

— Ах, да перестань ты высчитывать! — с излишней горячностью воскликнул Малыш. — У меня еще оставалось кое-что, когда я пошел работать. Ты думаешь, я снова с ними связался?! Но я же сказал тебе, что покончил с этим. Я честно купил этот мех, понятно? Надень его и пойдем прогуляемся.

Молли постаралась усыпить свои подозрения. Соболя хорошо убаюкивают. Горделиво, как королева, выступала она по улице под руку с Малышом. Здешним жителям еще никогда не доводилось видеть подлинных русских соболей. Весть о них облетела квартал, и все окна и двери мгновенно обросли гроздьями голов. Каждому любопытно было поглядеть на ши-

карный соболий мех, который Малыш Брэди преподнес своей милашке. По улицам разносились восторженные «ахи» и «охи», и баснословная сумма, уплаченная за соболя, передаваясь из уст в уста, неуклонно росла. Малыш с видом владетельного принца шагал по правую руку Молли. Трудовая жизнь не излечила его от пристрастия к первосортным и дорогим вещам, и он все так же любил пустить пыль в глаза. На углу, предаваясь приятному безделью, торчала кучка молодых людей в безукоризненных костюмах. Члены банды «Дымовая труба» приподняли шляпы, приветствуя подружку Малыша, и возобновили свою непринужденную беседу.

На некотором расстоянии от вызывавшей сенсацию парочки появился сыщик Рэнсом из Главного полицейского управления. Рэнсом считался единственным сыщиком, который мог безнаказанно прогуливаться в районе Дымовой трубы. Он был не трус, старался поступать по совести и, посещая упомянутые кварталы, исходил из предпосылки, что обитатели их такие же люди, как и все прочие. Многие относились к Рэнсому с симпатией и, случалось, подсказывали ему, куда он должен направить свои стопы.

— Что это за волнение там на углу? — спросил Рэнсом бледного юнца в красном свитере.

— Все вышли поглазеть на бизоньи шкуры, которые Малыш Брэди повесил на свою девчонку, — отвечал юнец. — Говорят, он отвалил за них девятьсот долларов. Шикарная покрывка, ничего не скажешь.

— Я слышал, что Брэди уже с год как занялся своим старым ремеслом, — сказал сыщик. — Он ведь больше не вожжается с бандой?

— Ну да, он работает, — подтвердил красный свитер. — Послушайте, приятель, а что меха — это не по вашей части? Пожалуй, таких зверей, как нацепила

на себя его девчонка, не поймает в паяльной мастерской.

Рэнсом нагнал прогуливающуюся парочку на пустынной улице у реки. Он тронул Малыша за локоть.

— На два слова, Брэди, — сказал он спокойно. Взгляд его скользнул по длинному пушистому боа, элегантно спадающему с левого плеча Молли. При виде сыщика лицо Малыша потемнело от застарелой ненависти к полиции. Они отошли в сторону.

— Ты был вчера у миссис Хезкоут на Западной Семьдесят второй? Чинил водопровод?

— Был, — сказал Малыш. — А что?

— Гарнитур из русских соболей, стоимостью в тысячу долларов, исчез оттуда одновременно с тобой. По описанию он очень похож на эти меха, которые украшают твою девушку.

— Поди ты... поди ты к черту, — запальчиво сказал Малыш. — Ты знаешь, Рэнсом, что я покончил с этим. Я купил этот гарнитур вчера у...

Малыш внезапно умолк, не закончив фразы.

— Я знаю, ты честно работал последнее время, — сказал Рэнсом. — Я готов сделать для тебя все, что могу. Если ты действительно купил этот мех, пойдем вместе в магазин, и я наведу справки. Твоя девушка может пойти с нами и не снимать пока что соболей. Мы сделаем все тихо, без свидетелей. Так будет правильно, Брэди.

— Пошли, — сердито сказал Малыш. Потом вдруг остановился и с какой-то странной кривой улыбкой поглядел на расстроенное, испуганное личико Молли.

— Ни к чему все это, — сказал он угрюмо. — Это старухины соболя. Тебе придется вернуть их, Молли. Но если б даже цена им была миллион долларов, все равно они недостаточно хороши для тебя.

Молли с искаженным от горя лицом уцепилась за рукав Малыша.

— О Малыш, Малыш, ты разбил мое сердце! — простонала она. — Я так гордилась тобой... А теперь они упекут тебя — и конец нашему счастью!

— Ступай домой! — вне себя крикнул Малыш. — Идем, Рэнсом, забирай меха. Пошли, чего ты стоишь! Нет, постой, ей-богу, я... К черту, пусть меня лучше повесят... Беги домой, Молли. Пошли, Рэнсом.

Из-за угла дровяного склада появилась фигура полицейского Коуна, направляющегося в обход речного района. Сыщик поманил его к себе. Коун подошел, и Рэнсом объяснил ему положение вещей.

— Да, да, — сказал Коун. — Я слышал, что пропали соболя. Так ты их нашел?

Коун приподнял на ладони конец собольего боа — бывшей собственности Молли Мак-Кивер — и внимательно на него поглядел.

— Когда-то я торговал мехами на Шестой авеню, — сказал он. — Да, конечно, это соболя. С Аляски. Боа стоит двенадцать долларов, а муфта...

Бац! Малыш своей крепкой пятерней запечатал полицейскому рот. Коун покачнулся, но сохранил равновесие. Молли взвизгнула. Сыщик бросился на Малыша и с помощью Коуна надел на него наручники.

— Это боа стоит двенадцать долларов, а муфта — девять, — упорствовал полицейский. — Что вы тут толкуете про русские соболя?

Малыш опустил на грудь бревен, и лицо его медленно залилось краской.

— Правильно, Всезнайка! — сказал он, с ненавистью глядя на полицейского. — Я заплатил двадцать один доллар пятьдесят центов за весь гарнитур. Я, Малыш, шикарный парень, презирающий дешевку! Мне легче было бы отсидеть шесть месяцев в тюрьме, чем

признаться в этом. Да, Молли, я просто-напросто хвастун — на мой заработок не купишь русских соболей.

Молли кинулась ему на шею.

— Не нужно мне никаких денег и никаких соболей! — воскликнула она. — Ничего мне на свете не нужно, кроме моего Малыша! Ах ты, глупый, глупый, тупой, как индюк, сумасшедший задавала!

— Сними с него наручники, — сказал Коун сыщику. — На участок уже звонили, что эта особа нашла свои соболя — они висели у нее в шкафу. Молодой человек, на этот раз я прощаю вам непочтительное обращение с моей физиономией.

Рэнсом протянул Молли ее меха. Не сводя сияющего взора с Малыша, она грациозным жестом, достойным герцогини, набросила на плечи боа, перекинув один конец за спину.

— Пара молодых идиотов, — сказал Коун сыщику. — Пойдем отсюда.

Алое платье

Алый цвет сейчас в ходу. Вы замечаете это на улице. Конечно, другие цвета тоже не менее модны. Я на днях видел премиленькую дамочку: оливково-зеленый альбатрос, юбка с тройной оборкой, с инкрустациями в виде квадратиков из шелка, кружевное фишю над фигаро, рукава с двойными буфами, перетянутыми ленточками и образующими внизу два шу. Но все-таки встречается много алых платьев. Попробуйте пройтись вечером по Двадцать третьей улице.

Поэтому Мейда — девушка с большими карими глазами и волосами цвета корицы, служащая в универсальном магазине «Улей», — сказала Грес, де-

вешке с брошкой из самоцветных камней и с запахом мятных лепешек в разговоре:

— У меня будет алое платье, алое платье от портного ко Дню благодарения.

— Ах, вот как! — сказала Грес и убрала перчатки 7 1/2 в коробку 6 3/4. — Ну, я предпочитаю красный цвет. На Пятой авеню видишь больше красного. И мужчины, по-видимому, любят больше красное.

— Мне больше нравится алый цвет, — сказала Мейда. — И старый Шлегель обещал сделать мне платье за восемь долларов. Оно будет премиленькое. У меня будет плиссированная юбка, а на жакетке — отделка: галун, белый суконный, и воротничок с двумя рядами...

— Ну и штучка же ты! — сказала Грес, с особенной манерой прищуривая глаза.

— ... с двумя рядами сутажа над плиссированной белой жилеткой, баска складками и...

— Хитрая штучка! — повторила Грес.

— ... рукава буф gigot, перетянутые у манжет бархатными ленточками. А что ты хочешь этим сказать?

— Ты думаешь, что мистер Рамзай любит алый цвет? Я слышала, как он вчера говорил, что находит темные оттенки красного очень эффектными.

— Мне все равно, — сказала Мейда. — Я предпочитаю алый цвет, а те, которым он не нравится, могут перейти на другую сторону улицы.

Это замечание Мейды наводит на размышления: в конце концов, поклонники алого цвета могут испытать разочарование. Опасность близка, когда девушка воображает, что она может носить алый цвет независимо от своего цвета лица и чужих убеждений, и когда императоры думают, что их алые мантии без износа.

Мейда скопила благодаря восьмимесячной экономии восемнадцать долларов. Из этих денег она ку-

пила материал для алого платья и заплатила Шлеглю четыре доллара вперед за работу. Накануне Дня благодарения у нее будет как раз достаточно денег, чтобы заплатить оставшиеся четыре доллара. И тогда она в праздник — в новом платье. Может ли земля предложить девушке что-либо более восхитительное?

Старый Бахман, владелец универсального «Улья», ежегодно в День благодарения угощал своих служащих обедом. А потом в каждый из последующих трехсот шестидесяти четырех дней, исключая воскресенья, он имел обыкновение напоминать им о радостях минувшего банкета и о надеждах на грядущие, побуждая их этим относиться к работе с усиленным энтузиазмом. Обед сервировали в самом магазине, на одном из длинных средних столов. Окна на улицу завешивались оберточной бумагой, а индюшка и другие вкусные вещи приносились через черный ход из ресторана на углу. Отсюда вы можете заключить, что «Улей» не был шикарным универсальным магазином с лифтами и прочими усовершенствованиями. Вы могли войти в него сразу, получить что нужно и благополучно выйти. На «благодарственных» обедах мистер Рамзай всегда...

Ах, батюшки! Прежде всего я должен был упомянуть о мистере Рамзае. Он куда значительно алого или зеленого цвета и даже красного брусничного салата.

Мистер Рамзай был старшим приказчиком, и, поскольку это вообще касается меня, я ему симпатизирую. Он никогда не щипал девушек за руку при встрече с ними в темных уголках магазина. И когда он в часы застоя торговли рассказывал им разные истории и девушки хихикали и восклицали: «ах! фу!» — дело было не в фриivolностях. Он был настоящим джентльменом, но в других отношениях отли-

чался оригинальными причудами. Он был помешан на здоровье и считал, что люди никогда не должны есть то, что им нравится.

Он резко восставал против всяких удобств и возмущался, когда люди спешили укрыться под крышей от снежной вьюги, или носили галоши, или принимали лекарства, или так или иначе холили себя. Каждая из десяти продавщиц видела каждую ночь в своих сонных грезах — свиные котлеты с жареным луком, — что она стала миссис Рамзай. Ведь в будущем году старый Бахман сделает его своим компаньоном. И каждая из них отлично знала, что, если ей удастся его поймать, она вышибет из него его манию здоровья самым радикальным образом и даже раньше, чем у него пройдет несварение желудка, вызванное свадебным тортом.

Мистер Рамзай был церемониймейстером на этих обедах. Два итальянских музыканта играли обыкновенно на скрипке и на арфе, и после обеда в магазине устраивались танцы.

Два платья были задуманы, чтобы околдовать Рамзая: одно алое, другое красное. Конечно, остальные девушки также будут на обеде в платьях, но они в счет не шли. Они, по всей вероятности, наденут какие-нибудь белые блузки с черными юбками; куда же им равняться с ослепительными алым и красным? Грес также накопила деньжонок. Она решила купить платье готовое. Какой смысл возиться с портными, когда обладаешь такой хорошей фигурой? Готовое и предназначается для идеальной фигуры — только чуть-чуть ушить в талии. Эти средние размеры отличаются ужас какой широкой талией.

Наступил вечер, канун Дня благодарения. Мейда спешила домой, бодрая и счастливая в ожидании благословенного завтра. Ее мысли были алого цвета: она